

*Азбука*  
PREMIUM

К Н И Г И  
ЭЛИС МАНРО

Слишком много счастья

Беглянка

Дороже самой жизни

Танец блаженных теней

Ты кем себя воображаешь?

Плюнет, поцелует, к сердцу  
прижмет, к черту пошлет,  
своей назовет

Давно хотела тебе сказать

Луны Юпитера

Тайна, не скрытая никем

ЭЛИС МАНРО

# Тайна, не скрытая никем



Санкт-Петербург

УДК 821.111  
ББК 84(7Кан)-44  
М 23

Alice Munro  
OPEN SECRETS  
Copyright © 1994 by Alice Munro  
All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Боровиковой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

**ISBN 978-5-389-09217-4**

© Т. Боровикова, перевод, 2017  
© Издание на русском языке,  
оформление.  
ООО «Издательская Группа  
„Азбука-Аттикус“», 2017  
Издательство АЗБУКА®

*Эта книга посвящается  
моим неизменно верным подругам —  
Дафне и Дейдре, Одри, Салли, Джули,  
Милдред, Энн, Джинджер и Мэри*

# Увлечение

## ПИСЬМА

Сидя в столовой гостиницы «Коммерческая», Луиза вскрыла конверт, пришедший в этот день из-за моря. Она, как всегда, заказала бифштекс с жареной картошкой и бокал вина. В столовой было мало народу — два-три коммивояжера и зубной врач, который ужинал тут, поскольку был вдовцом. Поначалу он заинтересовался Луизой, но сообщил ей, что никогда раньше не видел, чтобы женщина пила вино или какие-то другие спиртные напитки.

— Мне это необходимо для здоровья, — серьезно ответила Луиза.

Белые скатерти меняли раз в неделю, а чтобы они не так быстро пачкались, прикрывали их клеенчатыми сервировочными салфетками. Зимой в столовой пахло этими салфетками, сыростью кухонной тряпки, которой их протирали, угольными испарениями печки, говяжьей подливой и подсохшими картошкой и луком. Такой запах был даже приятен голодному человеку, вошедшему с холода. На каждом столе стоял прибор с приправами — бутылочка бурого соуса, бутылочка томатного и баночка с хреном.

Письмо было адресовано «Библиотекарю, Городская библиотека, Карстэрс, Онтарио». На нем стояла дата — шесть недель назад, 4 января 1917 года.

Вы, вероятно, удивитесь, что Вам пишет незнакомый человек, не помнящий даже Вашего имени. Надеюсь, Вы все тот же библиотекарь, хотя прошло уже много времени и Вы могли куда-то уехать.

Я в госпитале, но ничего серьезного у меня нет. Я каждый день вижу вокруг случаи гораздо хуже моего и стараюсь о них не думать и для этого представляю себе всякое и гадаю, например, все ли Вы еще там, в библиотеке. Если Вы — та, кого я имею в виду, то Вы — среднего роста (или, может, чуть ниже), со светло-русыми волосами. Вы появились за несколько месяцев до того, как мне пришла пора идти в армию. Вы заменили мисс Тэмблин, которая работала в библиотеке с тех самых пор, как мне было лет девять или десять. В ее время книги стояли как попало, и упаси Господь спросить ее, как найти нужную или еще что-нибудь, — голову откусит. Она была настоящая мегера. А потом появились Вы, и все изменилось! Все книги расставились по отделам, «Художественная литература», «Научно-популярная литература», «История», «Путешествия», и еще Вы рассортировали по порядку все журналы и стали выставлять их в зал сразу, как только они приходили, а не мариновать где-нибудь в шкафу, пока все материалы в них устареют. Я был очень благодарен, но не знал, как об этом сказать. И еще мне хотелось бы знать, что привело Вас, образованного человека, в наш город, работать в библиотеке.

Меня зовут Джек Агню, и мой формуляр лежит в картотеке. Последняя книга, которую я взял, была очень хорошая — Г. Дж. Уэллс, «Становление человечества». Я два года проучился в старших классах, а потом поступил работать к Дауду, как и многие. Я не пошел записываться в армию сразу,

как мне исполнилось восемнадцать, поэтому Вы не сочтете меня Храбрецом. Я вообще стараюсь во всем придерживаться собственного мнения. Вся родня, какая у меня есть в Карстэрсе, да и вообще на всем свете, — это мой отец Патрик Агнью. Он тоже работает на Даудов, но не на фабрике, а в усадьбе — он тамошний садовник. Он одинокий волк — еще больше, чем я, — и при каждом удобном случае уходит за город рыбачить. Я иногда пишу ему письма, но сомневаюсь, что он их читает.

После ужина Луиза поднялась в дамскую гостиную на втором этаже и села за письменный стол сочинять ответ.

Мне очень приятно, что Вы оценили проведенную мной реорганизацию библиотеки, хотя это совершенно обычная библиотечная система, ничего особенного.

Я уверена, что Вам хочется услышать вести из дому, но я не гожусь для этого — ведь я в городе чужая. Я, правда, разговариваю с людьми в библиотеке и в гостинице. Коммивояжеры в гостинице говорят по большей части о том, как идет торговля (бойко, если удалось достать товар), немножко о болезнях и много — о войне. Слухи и сплетни множатся — я уверена, если бы пересказать Вам эти слухи, Вы бы рассмеялись или очень рассердились. Я не буду их тут воспроизводить, так как уверена, что смысла нет — наверняка это письмо просмотрит цензор и изрежет его на ленточки.

Вы спрашиваете, как получилось, что я приехала в город. Здесь нет ничего интересного. Мои родители умерли. Мой отец работал в универсальном магазине



Итона в Торонто, в отделе мебели. После его смерти моя мать тоже поступила на работу в магазин Итона, в отдел столового и постельного белья. Да и я одно время работала у Итона, в книжном отделе. Наверно, можно сказать, что Итон — это наш Дауд. Я закончила гимназию на Джарвис-стрит. Потом я болела и много времени провела в больнице, но сейчас я совсем здорова.

У меня было много времени на чтение, а мои любимые писатели — Томас Гарди (его обвиняют в мрачности, но, по-моему, его книги очень жизненны) и Уилла Кэсер. Я случайно оказалась в вашем городке в момент смерти предыдущего библиотекаря и решила, что, возможно, эта работа как раз для меня.

Хорошо, что Ваше письмо пришло сегодня. Меня как раз выписывают отсюда, и я не знаю, стала бы почта пересылать письмо мне вдогонку или нет. Я рад, что Вы не сочли мое письмо глупостью.

Если Вы случайно наткнетесь на моего отца или на кого-нибудь еще, не нужно говорить, что мы переписываемся. Это никого не касается, и я точно знаю — найдутся люди, которые будут надо мной смеяться за то, что я переписываюсь с библиотекарем. Точно так же, как надо мной смеялись даже за то, что я ходил в библиотеку. Зачем давать им лишний повод для смеха?

Я рад, что наконец выберусь отсюда. Мне повезло гораздо больше многих — тех, кто уже никогда не сможет ходить или видеть и будет вынужден прятаться от мира.

Вы спросили, где я жил в Карстэрсе. Надо сказать, что место это не шикарное и гордиться мне нечем. Вы знаете, где Укусная горка? Так вот, если свернуть

на Цветочный проезд, наш дом будет последний по правой стороне. Он покрашен желтым (когда-то давно). Мой отец растит картошку. Или растил. Я помню, как возил картошку по городу на своей тележке, и с каждой проданной тележки отец оставлял мне пять центов.

Вы говорили о любимых писателях. Одно время я любил Зейна Грея, но потом мне разонравилась выдуманная литература и я стал читать книги по Истории и о Путешествиях. Я знаю, что иногда беру читать книжки, которые мне не по уму, но все равно я из них что-то почерпываю. Например, та книжка Уэллса, которую я уже упоминал, и еще Роберта Ингерсолла, он пишет про религию. В этих книгах много пищи для ума. Если Вы очень религиозны, надеюсь, я Вас не оскорбил.

Однажды я пришел в библиотеку в субботу после обеда, и Вы как раз отперли дверь и включали повсюду свет, потому что день был темный и дождливый. Вы попали под дождь без шляпы и зонтика, и у Вас намочили волосы. Вы вытащили из них шпильки, и волосы рассыпались у Вас по плечам. Можно спросить, у Вас все еще длинные волосы или Вы их подстригли? Или это слишком личный вопрос? Вы встали у батареи и встряхнули над ней волосами, и капли воды разбежались по батарее, как жир по сковородке. Я сидел и читал «Лондонские иллюстрированные новости», про войну. Мы с Вами улыбнулись друг другу. (Я вовсе не хотел сказать, что у Вас жирные волосы!)

Нет, я не подстриглась, хотя часто думала об этом. Я не знаю отчего — из тщеславия или от лени.

Я не очень религиозна.

Я сходилa на Уксусную горку и нашла Ваш дом. Картофель, кажется, растет хорошо. Со мной повздорила сторожевая собака — это ваша?

У нас стало совсем тепло. Река разлилась — насколько я понимаю, это случается каждую весну. Паводком затопило подвал гостиницы, и запас питьевой воды каким-то образом испортился, так что нас бесплатно поили пивом и имбирным лимонадом. Но только тех, кто живет в гостинице. Можете себе представить, сколько было шуток по этому поводу.

Мне давно следовало спросить, могу ли я Вам что-нибудь прислать.

Мне ничего особенного не нужно. Я получаю табак и прочие мелочи, которые дамы из Карстэрса присылают для всех нас. Мне хотелось бы почитать книги тех авторов, о которых Вы упомянули, но сомневаюсь, что здесь у меня это получится.

На днях у нас один человек умер от сердечного приступа. Это была как будто новость всех времен и народов. День и ночь только и слышно было: «Вы слышали, тут один умер от сердечного приступа?» И все смеялись. Наверно, Вы подумаете, что мы злые, но просто это происшествие казалось ужасно странным. У нас даже не было тогда особенно жарких деньков, так что нельзя предположить, что он умер от страха. И вообще, он в это время писал письмо (может, мне стоит быть осторожней?). До него и после люди умирали от пули или взрыва, но он — самый знаменитый, потому что умер от сердечного приступа. Все говорят, что вот он приехал в такую даль и армия потратила на него кучу денег — и все ради этого.

Лето стояло такое сухое, что поливальная машина ездилa по улицам, чтобы хоть немножко прибить

пыль. Дети бежали за машиной и плясали в струях воды. В городе появилась еще одна новинка — тележка с колокольчиком, с которой продают мороженое, и ее дети тоже не оставляли своим вниманием. Тележку толкал человек, который тогда покалечился на фабрике, — Вы знаете, о ком я говорю, но я сейчас не помню его фамилии. Он потерял руку до локтя. Моя комната в гостинице — на третьем этаже, она раскалялась, как духовка, и я часто бродила по улицам до полуночи, ожидая, пока она остынет. Многие так делали. Некоторые ходили прямо в пижамах. Как во сне. В реке еще оставалось немножко воды, достаточно, чтобы плавать на лодочке, и как-то в воскресенье, в августе, методистский священник выплыл на реку на лодке с веслами и устроил публичный молебен о дожде. Но в лодке оказалась течь, и вода налилась внутрь и намочила ему ноги, и в конце концов лодка утонула, а он остался стоять в воде, которая не доходила ему до пояса. Что это было — несчастный случай или чья-то злая проделка? Все говорили, что Небо ответило на его молитву, но не с той стороны.

На прогулках я часто прохожу мимо особняка Даудов. Ваш отец просто прекрасно заботится о газонах и изгородях. Мне нравится дом — он такой необычный и воздушный. Но, может быть, и там не было достаточной прохлады — по ночам я слышала голоса матери и маленькой дочери совсем близко, так что, видимо, они тоже выходили на газон.

Я тогда написал, что мне ничего не нужно, но одну вещь мне хотелось бы иметь. Вашу фотографию. Надеюсь, Вы не сочли, что эта просьба переходит границы. Может быть, Вы с кем-то обручены

или у Вас парень на фронте и Вы переписываетесь и с ним тоже. Вы незаурядная девушка, и я не удивлюсь, если какой-нибудь Офицер обратил на Вас внимание. Но раз уж я попросил, то просьбы своей обратно не беру, и можете думать обо мне что хотите.

Луизе было двадцать пять лет. Ей случилось влюбиться один раз в жизни — во врача, с которым она познакомилась в санатории. Врач в конце концов ответил ей взаимностью и за это поплатился работой. Луизу, правда, мучили мрачные догадки о том, что врача вовсе не уволили — он уехал сам, оттого что ему наскучили запутанные отношения. Он был женатый, и дети у него были. В той истории тоже сыграли роль письма. После отъезда врач завязал переписку с Луизой. Раз-другой они обменялись письмами уже после того, как Луизу выпустили из санатория. Потом она попросила больше ей не писать, и он перестал. Его молчание выгнало Луизу из Торонто и заставило взяться за работу коммивояжера. Теперь ей приходилось переживать только одно разочарование в неделю, когда она возвращалась домой в пятницу или субботу вечером. Ее финальное послание дышало мужеством и стойкостью; она отчасти утешалась, представляя себя героиней любовной драмы, и это утешение сопровождало ее в поездках, когда она таскала чемоданы с образцами вверх-вниз по лестницам гостиниц в мелких городках, разглагольствовала о парижской моде, называла фасон шляпки «чарующим», пила свой одинокий бокал вина. Будь у нее собеседник, она бы высмеяла именно этот взгляд на вещи. Сказала бы, что любовь — чепуха,

выдумка, обман, и сама бы верила в это. Но в предчувствии все еще ощущала мгновение тишины, трепетание нервов, чудовищное изнеможение.

Она сфотографировалась. Она знала, какой хочет быть на снимке: в простой белой блузке, крестьянской. Распустить шнурок, на который собирается ворот. У нее не было такой блузки — она их видела только на картинках. И еще она хотела бы распустить волосы. А если сниматься с волосами, забранными в прическу, то уложить их очень свободно и переплести жемчужными нитями.

Вместо этого она надела свою повседневную синюю шелковую блузку и волосы тоже уложила как обычно. Ей показалось, что на фотографии она как-то бледная, с запавшими глазами. Лицо вышло строже и неприступней, чем она хотела. Но все равно она послала снимок.

Я не обручена, и парня у меня тоже нет.

Однажды я была влюблена, но мне пришлось разорвать отношения. Тогда я была расстроена, но знала, что должна это вынести, а теперь я верю: что ни делается, всё к лучшему.

Она, конечно, ломала голову, пытаясь его вспомнить. Она не помнила, как трясла волосами или как улыбалась какому-то молодому человеку, роняя на батарею капли дождевой воды. Как будто все это ему приснилось. А может, и вправду приснилось.

Она стала пристальнее следить за ходом войны, уже не пытаясь жить так, словно никакой войны нет. Она ходила по улицам, чувствуя: голова у нее забита теми же радостными или тревожными новостями, что у всех. Сен-Квентин, Аррас, Мондидье, Амьен,

а потом битва на реке Сомме — но ведь там, кажется, уже была одна? Луиза раскладывала у себя на конторке карты военных действий, которые печатались на разворотах журналов. Она видела по цветным линиям, как немцы довели линию фронта до Марны, видела первое наступление американцев у Шато-Тьерри. Она смотрела на побуревшие рисунки, где художник изобразил лошадь, вставшую на дыбы во время воздушной атаки, или каких-то солдат в Восточной Африке, пьющих из кокосов, или колонну немецких военнопленных с перевязанными головами или руками и мрачными, холодными лицами. Теперь и Луизу захватило всеобщее чувство — постоянный страх, опасения и в то же время восторг, к которому, казалось, привыкаешь и хочешь все больше и больше. Можно было поднять взгляд от сиюминутной жизни и ощутить, как за стенами дома рушится миропорядок.

Я рад, что у Вас нету жениха, хоть и знаю, что это эгоизм с моей стороны. Думаю, нам с Вами не суждено увидеться. Я это говорю не потому, что мне приснился вещий сон, и не потому, что я угрюмый и всегда предсказываю плохое. Мне просто кажется, это самое вероятное, что может быть, хотя я стараюсь об этом не думать и каждый день делаю все нужное для выживания. Я не стараюсь Вас напугать или выпросить у Вас сочувствие, просто объясняю: когда я думаю, что больше не увижу Карстэрс, то набираюсь храбрости и могу говорить что хочу. Наверно, это что-то вроде лихорадки. Поэтому я скажу, что люблю Вас. Я представляю себе, как Вы встали на табуретку в библиотеке и тянетесь к полке, чтобы поставить книжку, а я подхожу

сзади и беру Вас за талию, чтобы снять оттуда, и Вы поворачиваетесь у меня в объятиях, как будто мы уже давно обо всем договорились.

Каждый вторник после обеда девушки и дамы из Общества Красного Креста собирались в зале заседаний муниципалитета, который располагался в том же коридоре, что и библиотека. Когда библиотека опустела на несколько минут, Луиза прошла по коридору и очутилась в зале, полном женщин. Она решила связать шарф. В санатории она освоила простую вязку, но так и не научилась набирать и спускать петли.

Женщины постарше занимались упаковкой ящиков или скатыванием бинтов — матерчатых полос, которые они отрезали от тяжелых хлопчатобумажных простыней, расстеленных на столах. Но у двери было много девушек, которые ели булочки и пили чай. Одна девушка держала на руках моток шерсти, а другая его сматывала.

Луиза объяснила, зачем пришла.

— Так что же вы хотите связать? — спросила одна девушка с непрожеванным куском булки во рту.

— Шарф, — сказала Луиза. — Для солдата.

— А, тогда вам нужна стандартная шерсть, — чуть вежливей сказала другая девушка и спрыгнула со стола. Она вернулась с клубками коричневой шерсти, выудила у себя из сумки пару спиц и сказала Луизе, что та может оставить их себе.

— Я помогу вам начать, — добавила она. — Ширина тоже должна быть стандартная.

Подошли другие девушки и начали дразнить эту, которую звали Корри. Они говорили ей, что она все делает неправильно.



— Ах, неправильно? — отвечала Корри. — А кто это захотел получить спицей в глаз?.. Это для друга? — фамильярно спросила она у Луизы. — Для друга за морем?

— Да, — ответила Луиза. Конечно, они все сочтут ее старой девой, будут смеяться над ней или жалеть ее, в зависимости от того, какую маску считают нужным носить — доброты или развязности.

— Тогда вяжите хорошо, плотно, — сказала девушка, дожевывая свою булочку. — Хорошо, плотно, чтобы ему было тепло!

Среди вязальщиц была Грейс Хоум. Застенчивая, но решительная на вид девятнадцатилетняя девушка с широким лицом, тонкими, обычно поджатыми губами, каштановыми волосами, подстриженными в каре, и аппетитным зрелым телом. Она обручилась с Джеком Агнью, когда его послали на фронт, но они договорились хранить это в тайне.

## ИСПАНКА

Луиза подружилась кое с кем из коммивояжеров, которые часто останавливались в гостинице. Одного звали Джим Фрери. Он продавал пишущие машинки, конторское оборудование и разные канцелярские товары. Джим был светловолосый, сутулый, но крепкий мужчина лет сорока пяти. По его виду казалось, что он торгует не канцтоварами, а чем-то более массивным и более важным в мужском мире — например, сельскохозяйственными орудиями.

Джим Фрери упорно разъезжал с товаром все время, пока бушевала испанка, хоть и рисковал наткнуться

ся на закрытую дверь магазина. Иногда закрытыми оказывались и гостиницы, а также школы, кинотеатры и даже — хотя Джим считал, что это безобразие, — церкви.

— Им должно быть стыдно, этим трусам, — сказал он Луизе. — Что толку прятаться дома и ждать, когда тебя накроет? Вы вот не закрывали библиотеку, верно ведь?

Луиза сказала, что закрывала только на время собственной болезни. У нее испанка прошла легко и длилась едва ли неделю, но все равно ее, конечно, отправили в больницу. Не позволили остаться в гостинице.

— Трусы, — сказал он. — Кому суждено заболеть, тот заболеет. Верно ведь?

Они обсудили тесноту в больницах, смерть докторов и медсестер, унылое зрелище бесконечных похорон. В Торонто Джим Фрери жил через дорогу от похоронного бюро. Он говорил, что там по-прежнему использовали черных лошадей, черный катафалк и все дела на похоронах людей, которые при жизни были большими шишками.

— Днем и ночью шли, — рассказывал он. — Днем и ночью.

Он поднял бокал и сказал:

— Ну, за наше здоровье. У вас цветущий вид.

Он подумал, что Луиза стала выглядеть лучше. Может, начала румяниться. У нее была бледно-оливковая кожа, и Джиму казалось, что раньше у нее щеки были совершенно бесцветными. Она и одеваться стала элегантней, и старалась быть любезней. Раньше она бывала то мила, то резка — по настроению. Еще она теперь пила виски, хоть и обязательно раз-

бавляла его водой. Раньше она ограничивалась бокалом вина. Уж не мужчина ли у нее завелся, подумал Джим, раз она так изменилась. Впрочем, появление мужчины объясняло только перемены во внешности, но не повышенный интерес к жизни вообще — а Джим был почти уверен, что с Луизой случилось именно это. Наверно, дело в том, что она поняла: ее время уходит, а ряды женихов поредели из-за войны. Это могло толкнуть ее на решительные действия. Она была умней, приятней в разговоре, да и красивей большинства тех, кто уже замужем. Отчего же такая женщина до сих пор одна? Бывает просто невезение. Или неудачное решение в момент, определяющий судьбу. А может, в былые дни она держалась чуть-чуть слишком резко и уверенно, отпугивая мужчин?

— Но все равно, жизнь не остановишь, — сказал он. — Вы правильно сделали, что не стали закрывать библиотеку.

То было ранней зимой 1919 года, когда эпидемия испанки вроде бы прошла и вдруг вспыхнула снова. Джим и Луиза были практически одни во всей гостинице. Только пробило девять, но хозяин гостиницы уже ушел спать. Его жена лежала в больнице с испанкой. Джим Фрери принес бутылку виски из бара (закрытого, чтобы не служить рассадником болезни), и они с Луизой сидели в столовой, у окна. Снаружи сгустился зимний туман и как будто давил на стекло. В тумане можно было едва-едва разглядеть уличные фонари и машины, осторожно едущие по мосту.

— О, это было не из принципа, — сказала Луиза. — То, что я держала библиотеку открытой. Я это сделала по личным причинам.

Тут она засмеялась и пообещала рассказать необычную историю.

— Должно быть, от виски у меня развязался язык.

— Я не сплетник, — заверил ее Джим.

Она посмотрела на него жестким смеющимся взглядом и сказала: если человек объявляет, что он не сплетник, то, скорее всего, именно сплетником и окажется. То же самое, если тебе обещают, что никогда, ни одной живой душе не откроют секрет.

— Вы можете рассказывать эту историю где хотите, кому хотите, главное — не здесь в городе, и не называйте настоящих имен. Я надеюсь, что вам можно доверять. Хотя сейчас кажется, что мне все равно. Наверно, когда хмель выветрится, я буду думать по-другому. Моя история весьма поучительна. Это урок женщинам — история о том, какими дурами они себя выставляют. Вы скажете — что тут нового, о таком слышишь каждый день!

Она стала рассказывать о солдате, который вдруг начал писать ей с фронта. Он помнил ее по тем временам, когда ходил в библиотеку. Но Луиза его не помнила. Однако ответила по-дружески на его первое письмо, и между ними завязалась переписка. Он назвал свой адрес в городке, и она сходила посмотреть на дом, чтобы рассказать солдату, как там обстоят дела. Он перечислил книги, которые читал, и она в ответ тоже. Короче говоря, каждый открыл другому нечто личное, и отношения стали теплее. Сначала с его стороны — он признался первым. Она-то не торопилась подставляться по-глупому. Сперва она думала, что просто жалеет солдата. Даже позже ей не хотелось отвергать его чувства и ставить его в неловкое положение. Он попросил ее фотографию.

Она сфотографировалась — ей не понравилось то, что вышло, но она послала снимок. Он спросил, нет ли у нее жениха, и она честно ответила, что нет. Он не прислал своей фотографии, да Луиза о ней и не просила, хотя, конечно, ей было любопытно, как он выглядит. На фронте ему было бы непросто сфотографироваться. Более того, Луиза не хотела показаться женщиной, которая перестает хорошо относиться к мужчине, если он невзрачен с виду.

Он писал ей, что не надеется вернуться домой. Что не так боится умереть, как уподобиться кое-кому из раненых, виденных им в госпитале. Он не стал вдаваться в детали, но Луиза предположила, что он имеет в виду случаи, о которых в тылу только начали узнавать, — живые обрубки, слепые, чудовищно обезображенные ожогами. Он не скулил о своей судьбе, Луиза и не думала его в этом обвинять. Просто он смирился со смертью, и она была для него предпочтительней некоторых других вариантов, и он думал об этом и написал Луизе, как пишут о таких вещах невесте.

Под конец войны он вдруг замолчал. Луиза ежедневно ждала письма, но письма не было. Ничего не было. Она боялась, что он оказался в числе тех солдат, кому не повезло больше всего, — тех, кого убили в последнюю неделю, последний день или даже последний час войны. Она ежедневно просматривала местную газету, где печатались имена новых раненых и убитых, — это продолжалось даже после Нового года, но имени Джека среди них не было. Теперь газета начала публиковать и сведения о солдатах, возвращающихся с фронта, — часто при имени была еще фотография и краткий отчет о радостной встрече. И тут она увидела его имя — очередное имя в

списке. Его не убило, не ранило — он возвращался в Карстэрс, а может, уже и вернулся.

Именно тогда она решила держать библиотеку открытой, несмотря на эпидемию. Каждый день Луиза была уверена, что сегодня он придет, каждый день была готова к его приходу. Воскресенья были для нее пыткой. Входя в здание муниципалитета, она всегда представляла себе, что он уже там — стоит, прислонившись к стене, и ждет ее. Порой эта уверенность была так сильна, что Луиза видела тень и принимала ее за человека. Теперь она знала, откуда берутся рассказы о привидениях. Каждый раз, когда открывалась дверь, Луиза ждала, что сейчас, подняв голову, увидит его. Иногда она обещала себе не поднимать взгляд, пока не досчитает до десяти. В библиотеку приходило мало народу — из-за испанки. Луиза взялась за реорганизацию библиотечных материалов, чтобы не сойти с ума. Она неизменно запирала библиотеку минут на пять-десять позже положенного времени. И, выходя на улицу, думала, что, может быть, он стоит через дорогу, на ступеньках почты, и смотрит, стесняясь подойти. Конечно, Луиза беспокоилась также, что он заболел, и всегда переводила разговор на новейшие случаи испанки. Но никто не произнес его имени.

Именно в это время она полностью бросила читать. Обложки книг казались ей гробами, обшарпанными или пышными, а внутри с тем же успехом мог быть прах.

Ведь это простительно, правда? Она думала, что после таких писем он не может не появиться, не может просто взять и внезапно замолчать. Ведь правда, это естественно с ее стороны? Ей можно простить

уверенность, что он обязательно переступит ее порог, — после таких-то клятв? За окном проходили похоронные процессии, но Луиза не думала о них — ведь это не его хоронили. Даже свалившись с испанкой, лежа в больнице, она думала лишь о том, что надо встать, надо идти назад, в библиотеку, чтобы его там не встретила запертая дверь. Она кое-как оправилась и, едва держась на ногах, вышла на работу. Однажды в жаркий послеобеденный час она раскладывала на стойках свежие номера газет, и его имя прыгнуло на нее со страницы, как бредовое видение.

Она прочла короткое сообщение о его браке с некой мисс Грейс Хоум. Эту девушку Луиза не знала. Грейс Хоум не ходила в библиотеку.

Невеста была в платье из палевого шелкового крепа с коричнево-кремовым кантом и бежевой соломенной шляпе с коричневыми бархатными лентами.

Фотографии в газете не было. Коричнево-кремовый кант. Таков был конец Луизиного романа, и другим он быть не мог.

Но всего несколько недель назад у нее на конторке в библиотеке — в субботу вечером, когда все ушли и она заперла двери и выключала повсюду свет, — обнаружился клочок бумаги. С нацарапанными на нем словами. «Я был обручен до того, как ушел на фронт». Никаких имен — ни его, ни ее. Но рядом лежала ее фотография, придавленная пресс-папье.

Он заходил в библиотеку в этот самый вечер. Посетителей было много, и Луиза часто покидала конторку, чтобы найти ту или иную книгу, поправить газеты, вернуть книги на полки. Он был в одной комнате с ней, смотрел на нее. Он рискнул. Но так и не дал о себе знать.

*Я был обручен до того, как ушел на фронт.*

— Как вы думаете, это он так надо мной подшутил? Неужели мужчина может быть так дьявольски коварен?

— По моему опыту, так чаще склонны развлекаться женщины. Нет-нет. Даже не думайте такого. Гораздо вероятней, что он был искренен. И немножко увлекся. Все именно так, как выглядит со стороны. Он был обручен до того, как ушел на фронт. Он никогда не думал, что вернется живым, но вернулся. А когда вернулся, его ждала невеста — и что ему оставалось делать?

— Действительно, что? — сказала Луиза.

— Он откусил больше, чем мог прожевать.

— О, это так, это так! А с моей стороны это было чистое тщеславие, и судьба совершенно правильно щелкнула меня по носу! — Ее взгляд стал безжизненным, а лицо — злым. — А вы не думаете, что он взглянул на меня и решил, что оригинал еще хуже того несчастного снимка, и дал задний ход?

— Нет, я так не думаю! — ответил Джим Фрери. — И не смейте так себя принижать.

— Я не хочу, чтобы вы считали меня глупой. Я вовсе не такая глупая и неопытная, как кажется по этой истории.

— Но я вовсе не считаю вас глупой.

— Но наверняка считаете неопытной.

Вот, подумал он. Все как всегда. Стоит женщине рассказать про себя что-нибудь одно, она уже не может удержаться, чтобы не выложить и другое. От выпивки у них мозги съезжают набекрень и благоразумие летит ко всем чертям.

Луиза уже раньше говорила Джиму, что лечилась в туберкулезном санатории. Теперь она рассказала еще и то, что была влюблена в тамошнего врача. Са-



наторий занимал красивейший участок на Гамильтонской горе, и Луиза с врачом встречались на прогулочных дорожках, обрамленных живыми изгородями. Выступы известняка располагались ступенями, и в прикрытых от холодного ветра местах росли растения, какие в Онтарио не часто увидишь, — азалии, рододендроны, магнолии. Доктор, разбирающийся в ботанике, объяснял Луизе, что это все — растительность, характерная для штатов Северная и Южная Каролина. Там совсем не так, как здесь, — зелень гораздо пышнее, и леса тоже встречаются, но небольшие. Восхитительные деревья, под ними проложены тропинки. Тюльпановые деревья.

— Тюльпаны! — воскликнул Джим Фрери. — Тюльпаны на деревьях!

— Да нет же, это у них форма листьев такая!

Она засмеялась, словно бросая ему вызов, потом прикусила губу. Он счел нужным продолжать диалог, повторяя: «Тюльпаны на деревьях!» — а Луиза повторяла, что нет, это у них листья в форме тюльпанов, нет же, я такого не говорила, перестаньте! Так они вступили в фазу осторожной оценки шансов — хорошо известную Джиму и, как он надеялся, Луизе тоже, — полную маленьких приятных сюрпризов, полуиронических сигналов, нарастания нахальных надежд и роковой доброты, в одночасье меняющей судьбу.

— Мы совсем одни, — сказал Джим Фрери. — Такого раньше не бывало, а? Может, и не будет больше.

Он взял ее за руки и почти приподнял со стула, и она ему позволила. На выходе из столовой Джим выключил свет. Они вместе поднялись по лестнице, которую так часто преодолевали поодиночке. Мимо картин, изображающих верного пса на могиле хозя-

# Содержание

## УВЛЕЧЕНИЕ

Письма .....	11
Испанка .....	22
Несчастные случаи .....	31
Толпаддлские мученики .....	57
НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ .....	71
АЛБАНСКАЯ ДЕВСТВЕННОЦА .....	108
ТАЙНА, НЕ СКРЫТАЯ НИКЕМ .....	169
ОТЕЛЬ ДЖЕКА РАНДА .....	209
В ГЛУШИ .....	245
ВИЗИТ ИНОПЛАНЕТЯН .....	291
ВАНДАЛЫ .....	336

## **Манро Э.**

**М 23** Тайна, не скрытая никем : рассказы / Элис Манро ; пер. с англ. Т. Боровиковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 384 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-09217-4

Вот уже тридцать лет Элис Манро называют лучшим в мире автором коротких рассказов, но к российскому читателю ее книги приходят только теперь, после того, как писательница получила Нобелевскую премию по литературе. Критика постоянно сравнивает Манро с Чеховым, и это сравнение не лишено оснований: подобно русскому писателю, она умеет рассказать историю так, что читатели, даже принадлежащие к совсем другой культуре, узнают в героях самих себя. Вот и эти истории, изложенные на первый взгляд бесхитростным языком, раскрывают удивительные сюжетные бездны. На каких-то двадцати страницах Манро умудряется создать целый мир — живой, осязаемый и невероятно притягательный. Игнорируя любые условности и не боясь рисковать, она достигает поразительной убедительности...

*Впервые на русском языке!*

УДК 821.111  
ББК 84(7Кан)-44

Литературно-художественное издание

ЭЛИС МАНРО  
ТАЙНА, НЕ СКРЫТАЯ НИКЕМ

Ответственный редактор Александр Гузман  
Редактор Дарина Никонова  
Художественный редактор Илья Кучма  
Технический редактор Татьяна Тихомирова  
Компьютерная верстка Ирины Габовой  
Корректоры Елена Терскова, Татьяна Бородулина  
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.03.2017. Формат издания 84 × 108 <sup>1</sup>/<sub>32</sub>.  
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 20,16.  
Заказ №

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —  
обладатель товарного знака АЗБУКА®  
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4  
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»  
в Санкт-Петербурге  
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А  
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»  
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)  
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами  
в ООО «ИПК Парето-Принт».  
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,  
комплекс № 3А.  
[www.pareto-print.ru](http://www.pareto-print.ru)



YAUM1723001R

## **Издательская Группа «Азбука-Аттикус»**

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, non-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

**<http://www.atticus-group.ru/>**

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ  
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

[www.azbooka.ru](http://www.azbooka.ru),

[www.atticus-group.ru](http://www.atticus-group.ru)

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

[www.azbooka.ru/new\\_authors/](http://www.azbooka.ru/new_authors/)